

Советский народ идет по пути строительства коммунистического общества.

Для разрешения этой задачи большое значение имеет развитие советской науки.

Патриотический долг советских историков — обогатить нашу науку новыми марксистскими исследованиями. Изучение военной истории России — одна из важнейших задач советской исторической науки.

Вследствие этого первостепенное значение имеет Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), в котором хранится большая часть документов Государственного архивного фонда СССР по военной истории русского народа. Значительное место среди этих документов занимают материалы о войнах, которые вела Россия с XVIII века до Великой Октябрьской социалистической революции. В военно-историческом архиве хранится и основная часть документов о военных действиях русской армии против наполеоновских поработителей в период 1812 года.

Эти документы дают возможность осветить Первую Смоленскую операцию русских войск, которая еще недостаточно изучена.

До настоящего времени в исторической литературе не получила правильного освещения роль в Смоленской операции одного из наиболее выдающихся учеников А. В. Суворова и сподвижников М. И. Кутузова, главнокомандующего Второй Западной армией генерала П. И. Багратиона.

Фальсификатор истории Клаузевиц, отрицая полководческое искусство Багратиона, видел в последнем только «рубаку»¹⁾. Все успехи русских войск Клаузевиц приписывал Барклаю, иностранцам на русской службе и ошибкам Наполеона. Подобная лживая

¹⁾ Клаузевиц, 1812 г., М. 1937, стр. 69.

точка зрения нашла отражение в дворянско-буржуазной историографии¹⁾).

В своем изложении действий русских войск под Смоленском большинство авторов принимало без какой-либо критики официальное объяснение Барклая в «Изображении военных действий 1-й армии в 1812 г.»²⁾).

Вслед за Барклаем-де-Толли эти историки писали, что отход русских войск от Смоленска был предпринят ввиду опасности, которой подвергалась со стороны Наполеона Московская дорога. Этой точки зрения придерживались Бутурлин³⁾, Окунев⁴⁾, Михайловский-Данилевский⁵⁾, Карцов⁶⁾, Богданович⁷⁾ и другие⁸⁾).

Подобный ложный взгляд получил отражение в некоторых работах, изданных в последнее время⁹⁾. Ахшарумов¹⁰⁾ и Вороновский¹¹⁾ ошибочно полагали, что Барклай-де-Толли принял решение об оставлении города лишь после того, как в самый последний момент убедился в превосходстве вражеских сил.

¹⁾ П. Глебов. Слово о Барклае-де-Толли, Современник № 2, 1858, стр. 150; М. Богданович, История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам, т. I, СПб, 1859, стр. 108; В. Харкевич, Барклай-де-Толли в Отечественной войну, СПб, 1904, стр. 6; С. Мельгунов, Барклай-де-Толли и Багратион, Отечественная война и русское общество, т. III, М. 1912, стр. 93; В. Жерве, Герои 1812 г., Барклай-де-Толли и Багратион, М. 1912, стр. 5.

²⁾ Хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве; опубликовано в «Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском Университете», 1858 г., кн. IV, стр. 1—32.

³⁾ История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. С официальных документов и других достоверных бумаг Российского и Французского Генерал-Штабов. С французского переведена генерал-майором А. Хатовым, СПб, 1837 г., ч. I-я, стр. 214.

⁴⁾ Рассуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 г., СПб, 1833 г., стр. 128.

⁵⁾ Описание Отечественной войны в 1812 г. по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским, СПб, 1839 г., часть 2-я, стр. 112.

⁶⁾ Военно-исторический обзор войны 1812 г., 2-е изд., СПб, 1858, стр. 35.

⁷⁾ История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам, СПб, 1859, т. I, стр. 258.

⁸⁾ История царствования императора Александра I и Россия в его время, т. III, СПб, 1869 г., стр. 248.

⁹⁾ Война русского народа с Наполеоном в 1812 г., текст И. Н. Божерянова, изд. 2-е, СПб, 1911, стр. 56.

¹⁰⁾ Михневич, 1812 год на Руси, М. 1912 г., стр. 21—26.

¹¹⁾ А. Алексеев, От Дриссы до Смоленска. Военно-исторический очерк. Журнал «1812 г.», № 12—14, М. 1912, стр. 443.

¹²⁾ Д. Маковский, Героическое прошлое Смоленщины, Смолгиз. 1946, стр. 83.

¹³⁾ Описание войны 1812 г., СПб, 1819 г., стр. 81—85.

¹⁴⁾ Отечественная война 1812 года в пределах Смоленской губернии, 1812 г., юбилейное издание 1912. Смоленского губернского земства, СПб, 1812, стр. III.

Говорилось и о том, что Смоленск был оставлен Барклаем в силу существенных причин, которые однако не назывались¹⁾).

Неверно считая Багратиона сторонником генерального сражения под Смоленском, Орельский полагал, что если бы «голос кн. Багратиона имел большее влияние на ход боевых операций», то Смоленская генеральная битва окончилась бы поражением Наполеона²⁾. Нельзя согласиться с мнением покойного В. И. Пичета о том, что, «вина Багратиона в действительности заключается лишь в том, что он, не понимая тактики отступления Барклая, требовал наступления»³⁾. Отголоски такого взгляда нашли место в статье о Багратионе М. Брагина⁴⁾ и во введении к сборнику «Генерал Багратион» (Огиз, 1945, стр. 12).

Умаление заслуг Багратиона в Смоленской операции и преувеличение роли Барклая есть и в работах С. Борисова⁵⁾, проф. И. И. Полосина⁶⁾ и других советских историков.

Как видно из материалов военно-исторического архива, Багратион, будучи представителем передового русского национального военного искусства, был сторонником наступательной стратегии. Он понимал, что наступление является единственным средством уничтожения сил противника и основным средством сохранения своих сил. Поэтому Багратион считал необходимым организовать активную оборону Смоленска с целью измотать и обескровить противника с тем, чтобы выиграть время для создания резервов и подготовки контр наступления. Что же касается генерального сражения, то, как показывают документы, исходя из трезвой оценки сил противника и учитывая отсутствие у русских войск резервов, Багратион полагал, что под Смоленском его давать не следует. Об этом свидетельствует хранящееся в именном фонде Барклая-де-Толли (ф. 103) письмо Багратиона главнокомандующему Молдавской армией адмиралу Чичагову от 31 июля 1812 г.: «В рассуждении, что нет у нас резервной армии должны мы до некоторого времени ограничиваться тем, чтобы малыми отрядами занимать и беспокоить неприятеля, не давая генерального сражения»⁷⁾.

Материалы архива показывают, что, умея ценить и использовать на войне время, Багратион в первый же день соединения армий предложил Барклаю немедленно контратаковать противни-

¹⁾ Походные записки артиллериста с 1812 г. по 1816 г. артиллерии подполковника И. П., М. 1833, стр. 113.

²⁾ А. Орельский, К характеристике Багратиона, Исторический вестник, 1894, т. LVII, стр. 831.

³⁾ В. Пичета, М. Н. Покровский о войне 1812 г., Против исторической концепции М. Н. Покровского, сборник статей, часть 1, М.—Л. 1939, стр. 284.

⁴⁾ Военно-исторический журнал, № 9, 1940, стр. 97.

⁵⁾ С. Борисов, Багратион, М. 1938, стр. 36.

⁶⁾ И. И. Полосин, П. И. Багратион, Учпедгиз. 1948, стр. 43.

⁷⁾ ЦГВИА, ф. 103, д. 13, л. 118 об. Подчеркнуто мною. — В. В.

ка в м. Рудне, пока последний, «быв рассеян форсированными маршами и отделен от всех своих способов, не успел еще собраться»¹⁾.

«Наше дело, — писал Багратион, — пользоваться сей минутой и с превосходными силами напасть на центр его и разделить его войска... Итти на него теперь... итти почти наверное»²⁾. Из этого документа видно, что Багратион понимал необходимость действовать сосредоточенными силами для уничтожения сил врага.

Делая это предложение, Багратион сразу же разослал разведывательные отряды до сел. Заходы Могилевской губернии, до дер. Бель Витебской губернии и других мест. В фондах архива имеются рапорты Багратиону со сведениями о противнике от полковника Быхалова от 23 и 26 июля, генерала Карпова от 23 и 27 июля, полковника Сысоева от 25 июля, подполковника Иловайского 10-го от 27 июля и др.

Эти документы свидетельствуют о понимании Багратионом роли разведки (глаза и уши армии), без которой, как известно, нельзя иметь точные сведения о противнике, а следовательно невозможно победить.

Как показывают материалы, Барклай-де-Толли, будучи сторонником порочного прусского военного искусства, придерживался авантюристической стратегии Фридриха II.

Не учитывая сил противника и руководствуясь фридриховскими «правилами» — шаблонами на все случаи обстановки, Барклай считал необходимым дать Наполеону под Смоленском генеральное сражение и одержать решительную «одноактную» победу. Это очень хорошо видно из хранящихся в архиве документов Барклая.

В отношении Барклая Багратиону от 13 июля 1812 г. читаем: «долг обеих армий состоит в скорейшем их соединении, дабы отечество за щитом их было спокойно и они совокупными силами могли устремиться на несомненную победу»³⁾. В отношении Багратиону от 16 июля 1812 г. Барклай говорит уже об этом более определенно: «Я твердо решился от Смоленска ни при каких обстоятельствах не отступать дальше и дать там сражение, несмотря на соединенные силы Даву и Наполеона»⁴⁾.

¹⁾ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3506 л. 266. Отношение Багратиона Барклаю, № 394 от 22 июля 1812 г. из Смоленска. Документ полностью опубликован в изданиях военно-ученого архива. «Отечественная война 1812 г.», т. XIV, № 199, стр. 199. В публикацию вкрались следующие погрешности: 1. в 6-й строке сверху напечатано: «...разбить его войска»; в подлиннике: «разделить его войска»; 2. в 7-й строке снизу напечатано: «распорядиться», в подлиннике «распорядить»; 3. ошибочно указывается л. 270 а. Документ также напечатан В. Строевым в «Документах, относящихся к истории 1812 года», I часть, 14 вып., стр. 49 и в сборнике «генерал Багратион» на стр. 218 за № 122.

²⁾ Там же. Об этом писал Багратион в конце июля и Ростопчину.

³⁾ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3502, л. 69 об., № 526.

⁴⁾ Там же, д. 3470, л. 789, № 114.

В рапорте Александру I от 16 июля 1812 г. Барклай заверял, что не «сделает от Смоленска ни шагу назад и даст генеральное сражение, если неприятель того пожелает»¹⁾.

Сообщая Багратиону от 17 июля 1812 г. о своем намерении прибыть с армией 21 июля в Смоленск, Барклай писал: «сделав там все нужные распоряжения для операций и запас провиантом, без замедления времени начну действовать наступательно против сил Наполеоном предводительствуемых»²⁾.

И, наконец, 19 июля 1812 г. Барклай уверял Смоленского гражданского губернатора Аша, «что г. Смоленску не предстоит еще ни малейшей опасности и вероятно, чтобы оный ею угрожаем был.

Я, с одной стороны, — писал Барклай, — и князь Багратион с другой, идем на соединение пред Смоленском, которое совершится 22-го числа и обе армии совокупными силами станут оборонять соотечественников своих вверенной вам губернии, пока усилия их удалят от них врагов отечества или пока истребится в храбрых их рядах до последнего воина»³⁾.

Однако, прибыв в Смоленск, Барклай нашел позицию под городом непригодной для генерального сражения. В хранящемся в архиве донесении Барклая Александру от 25 июля 1812 г. читаем: «...под Смоленском ...вовсе нет позиции, в которой бы можно было поставить войска в боевой порядок и дать сражение»⁴⁾. Поэтому Барклай согласился на атаку Рудни.

Исходя из прусского шаблона об охвате фланга противника, согласно которому (шаблону) можно победить армию любой величины, если «взять ее во фланг», Барклай считал необходимым атаковать Рудню лишь частью сил, а другой частью войск прикрывать Московскую дорогу. В упомянутом донесении Александру Барклай указывал, что «в случае удаи война возьмет совсем другой оборот»⁵⁾.

Ошибочно считая главным вершителем судеб войны полководца, Барклай игнорировал сбор сведений о противнике. Это также вытекало из недооценки противника, свойственной прусской стратегии. Поэтому, согласившись на атаку противника в Рудне, Барклай не организовал разведку со стороны своего правого фланга к Поречью.

Барклай-де-Толли слепо верил в силу диспозиций. Об этом свидетельствуют хранящиеся в архиве диспозиции Барклая Первой и Второй армиям на 26, 27, 28, 30, 31 июля и 2 августа, в которых в соответствии с шаблонной тактикой Фридриха II до мельчайших

¹⁾ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3504, л. 334 об.

²⁾ Там же, д. 3502, л. 83, № 551.

³⁾ Там же, л. 87, № 562.

⁴⁾ Там же, д. 3502, л. 102 об.

⁵⁾ Там же.

подробностей расписаны линии движения, лагерные стоянки, время выступления и прибытия и т. п.

Из донесений Барклая видно, что в период движения русских войск на Рудню он проявил медлительность и нерешительность, которые обрекли эту операцию на неудачу. В донесении Александру от 27 июля 1812 г. Барклай писал, что «главнейший наш предмет — есть выиграть нужное время, в течение коего ополчения и приготовления внутри империи могли бы быть приведены в должное устройство»¹⁾.

О наступательных действиях уже нет и речи: Барклай сообщал, что передовые русские войска, двигавшиеся на дороге к Рудне, отныне будут лишь видимо угрожать неприятелю атакой, сам же он «решился... занять сегодня (27 июля 1812 г. — В. В.) с 1-ю армиею новую позицию по большой Пореченской дороге»²⁾.

Мы знаем чем кончилось это бесполезное движение. После нескольких дней утомительных маршей армия опять вернулась на Рудненскую дорогу, так и не встретив неприятеля.

Барклай уже к 30 июля 1812 г. совершенно отказывается от атаки на рудненском направлении. Александру I он объясняет это опасением за свой правый фланг и дороги, ведущие к Дорогобужу, которые оказались бы под угрозой в случае неудачных действий под Рудней. Барклай ссылается на волю Александра «продлить скель можно более кампанию, не подвергая опасности обе армии»³⁾. Страхась ответственности в случае неудачи в генеральном сражении, Барклай принял решение о дальнейшем отходе в глубь страны.

В отношении Барклая Багратиону от 31 июля 1812 г. видим, что Барклай предполагал и дальше продолжать действия в соответствии с фридриховским шаблоном об охвате фланга противника: «теперь вся участь нынешней войны зависеть будет непосредственно от быстрых и решительных движений 3-й армии и Молдавской».

В отношении Чичагову от 31 июля 1812 г. Барклай-де-Толли развивает эту мысль: «сие (наступательное движение 3-й и Молдавской армий. — В. В.) соответствует общему плану войны, по коему часть войск, на которую устремляются главнейшие силы неприятеля, должна его удерживать, между тем, как другая часть, находя против себя неприятеля в меньшем числе, должна опрокинуть его, зайти во фланг и тыл большой его армии»⁴⁾.

От Тормасова Барклай в это время не имел никаких известий, ему же о необходимости «действовать быстро, безостановочно в

тыл неприятеля и истреблять все его войска» Барклай писал только 11 августа 1812 г.¹⁾.

Но этому плану не суждено было осуществиться в будущем, тем более он не мог быть осуществлен в рассматриваемый период времени.

27-го июля 1812 г. Чичагов сообщал из Бухареста Багратиону, что его армия возвращается в пределы России после заключения мира с Турцией, чтобы приблизиться к театру войны. «Через месяц надеюсь я, — писал Чичагов, — быть за Днестром со всеми войсками... Дальнейшее оных направление будет тогда зависеть от обстоятельств»²⁾.

Чичагов сообщал далее, что не знает настоящего положения и численности 1-й, 2-й и 3-й армий, не знает также численности и движений неприятеля.

Главнокомандующий Молдавской армией просил Багратиона сообщить ему о мерах, которые решили предпринять главнокомандующие 1-й и 2-й Западными армиями по отношению к врагу.

31 июля 1812 г., в тот день, когда Барклай писал Чичагову вышеупомянутое отношение, Чичагов только еще отправлялся в Луцк для согласования своих действий с движениями армии Тормасова.

Документы архива свидетельствуют, что Багратион был не согласен с действиями Барклая. Так, 26 июля, в день выступления армий к Рудне, Багратион писал Барклаю о необходимости выждать, когда неприятель пойдет первым в атаку, чтобы можно было наиболее достоверно узнать его силы³⁾.

Барклай не принял во внимание этот совет Багратиона. «По отношению вашего высокопревосходительства видно, — писал Багратион Барклаю 27 июля, — что все известия, касающиеся до неприятеля, еще до нас не дошли и одним нашим вчерашним движением узнать о силе его невозможно... Следовательно мое мнение, — чтобы прежде, чем нам занять предлагаемую вами позицию (в направлении на Поречье. — В. В.) мы должны сделать предположенное покушение на Поречье, а сами двинуться противу Рудни, по вчерашней диспозиции.

Неприятель, находящийся в Поречье, будет тогда в самом деле подвержен опасности и тем скорее отступит к Витебску... Сим отступлением откроет он, где собираются большие его силы. Впрочем

¹⁾ Там же, лл. 154 и об., 155, № 676.

²⁾ Там же, ф. 103, оп. 208а, св. 0 лл. 404, об., 405, Секретное отношение Чичагова из Бухареста от 27 июля 1812 г. № 58. Этого отношения Багратиону не суждено было увидеть: оно было получено Сен-При 14 сентября 1812 г. в селе Симах в день погребения Багратиона. Там же, л. 410. Отношение Сен-При Чичагову от 14 сентября 1812 г. из с. Свмы.

³⁾ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3606, лл. 286 и об.

¹⁾ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3502 л. 108.

²⁾ Там же, л. 108 и об.

³⁾ ЦГВИА, л. 113 об., № 629. Документ полностью опубликован в «Документах, относящихся к истории 1812 г.», ч. I, вып. 14, стр. 22—23.

⁴⁾ Там же, л. 119 и об.

всякая с нашей стороны медленность дает неприятелю время соединить свои силы там, где будет для него выгоднее, то нам и нужно двинуться вперед с тем намерением, чтобы узнать цель неприятеля и если возможно его предупредить»¹⁾.

Багратион ясно видел неудобства позиции при селении Выдра, которая была назначена 2-й армии диспозицией Барклая. «Недостаток в хорошей воде и затруднение в доставлении провианта не позволяют войскам 2-й армии далее оставаться в сем положении, ибо число больных, приметным образом умножаясь, обессиливает армию, и без того не могущую иначе считаться, как корпусом», — писал Багратион Барклаю 29 июля²⁾.

Багратион предвидел возможность обхода Наполеоном левого фланга 1-й и 2-й армий и прибытие его к Смоленску ранее главных русских сил, что неприятель и подтвердил четырьмя днями позже.

Свои опасения Багратион сообщил Барклаю 29 июля, Барклай не придал им значения, а когда опасения Багратиона оправдались, то Барклай в допесении Александру от 3 августа изображал переход Наполеона на левый берег Днепра, как совершенно для него неожиданный: «Хотя движение неприятеля к Днепру, — писал он, — и на левый берег оно, коим оставляет он почти все пространство между Двиною и Днепром, дает большой повод к удивлению; но коль скоро удостоверюсь о действительных его намерениях, не стану располагать действиями моими по мере существующих обстоятельств и армию поставлю в такое положение, чтобы, всегда, будучи в состоянии подкреплять 2-ю армию, я мог не менее того удерживать пространство между Двиною и Днепром»³⁾.

Последующие события показали правоту Багратиона и ошибочность предположений Барклая. Наполеон, воспользовавшись тем, что русские войска совершали свои «марши» на правом берегу Днепра переправился с основными силами на левый берег и через Красный двинулся к незащищенному Смоленску. Только героическое сопротивление отряда Неверовского в Красном и быстрое движение корпуса Раевского к Смоленску и последующая беспримерная оборона последнего дали возможность главным русским силам возвратиться в Смоленск и перейти на Московскую дорогу⁴⁾.

Этим Россия всецело обязана дальновидности Багратиона, во-время посланного 7-й пехотный корпус навстречу истекавшему кровью отряду Неверовского, в то время, как Барклай не обратил внимания на это предостережение главнокомандующего 2-й армией

и до самого последнего момента продолжал свое движение от Смоленска.

Багратион, понимая бесполезность этого движения, указывал Барклаю, что не видит никакой нужды «со всею армией (2-ю.— В. В.) защищать дорогу Рудненскую, которую одними легкими войсками удерживать весьма удобно»¹⁾.

Он писал Барклаю от 30 июля о своем отходе к Смоленску, и об оставлении в Выдре авангарда Васильчикова: «...вовсе не в моих правилах отступать, — указывал Багратион, — но в нынешнем моем положении должен я делать сие потому, что всякий день у меня число больных умножается: пехота и кавалерия без воды и без продовольствия, что хуже всякого сражения»²⁾.

Для защиты Смоленска и подкрепления отряда Неверовского Багратион считал необходимым расположить в Смоленске 7-й и 8-й пехотные корпуса³⁾.

Под Смоленском Барклай допустил и другие ошибки. Так, во время движения к Рудне он внезапно изменил диспозицию, якобы вследствие того, «что неприятель, узнав наше намерение напасть всеми силами на Рудню, тотчас оттянул большую часть войск своих к Поречью, дабы обойти правый наш фланг, почему видя, — писал Барклай Александру от 30 июля, — такое предприятие, решился я взять новую позицию с 1-ю армиею»⁴⁾.

В действительности же сведения относительно движения неприятеля к Поречью, как отмечал Ермолов, были получены «от пленных или бежавших мужиков»⁵⁾.

Барклай также признавал отсутствие точных известий о противнике. «Мне кажется, — писал он Александру от 27 июля, — что сам Наполеон со своею гвардиею должен иметь пребывание в Витебске, по крайней мере наверно полагать можно, что сии войска должны стоять между Витебском и Поречьем»⁶⁾.

В отношении Барклаю от 30 июля Багратион справедливо указывал, что «одни слухи не должны служить основанием к перемене операций, в которых всякая минута дорога, особливо по нынешним обстоятельствам»⁷⁾.

Отмечая нерешительность Барклая, Багратион писал: «Ежели мы всегда будем думать, что фланги наши в опасности, то мы никогда не найдем удобной позиции, тем более, что неприятель, нуждаясь в продовольствии и имея также ввиду занять нас своими

1) ЦГВИА, д. 3506, л. 295.

2) Там же, л. 110 и об.

3) Там же, л. 315.

4) Там же, д. 3502, лл. 112 об., 113.

5) Там же, д. 3504, л. 371.

6) Там же, д. 3502, л. 108, № 618.

7) Там же, д. 3506, л. 296.

1) ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3506, л. 287 и об.

2) Там же, л. 295.

3) Там же, д. 3502, л. 130.

4) Там же, д. 3506, л. 295.

движениями, всюду рассылает партии, и тогда только с намерением идет вперед, когда мы, быв обмануты его движениями, очистим ему дорогу»¹⁾.

Как и предсказывал Багратион, «неприятель при первом движении наших форпостов, отступил из Поречья, а через то самое успел усредоточить свои силы и, пользуясь ослаблением левого нашего фланга, переправил всю армию на левый берег Днепра, противу Ляды, и атаковал всеми силами слабый наш обсервационный корпус»²⁾.

Поэтому второе движение на Рудню, как отмечал Багратион, тоже было предпринято вследствие ложных известий о сосредоточении там неприятеля³⁾.

Документы военно-исторического архива проливают свет на причины оставления Барклаем Смоленска после двухдневной обороны города 4—5 августа 1812 г. Как видно из материалов, Барклай, не понимая подлинного взаимоотношения между обороной и контраступлением, рассматривал последнее не как один из видов наступления, и как часть обороны. Причем, в представлении Барклай контраступление отождествлялось с генеральным сражением. Поэтому не решаясь на генеральную битву под Смоленском, Барклай считал необходимым удерживать Смоленск только до того момента, как армия Багратиона прибудет к Дорогобужу. После этого, по его мнению, оборона Смоленска не имела смысла. В упомянутом «Изображении военных действий 1-й армии в 1812 г.» (ф. ВУА) Барклай писал: «Она (Первая армия. — В. В.) должна была удерживать его (врага. — В. В.) до достижения 2-ю армиею Соловьевой переправы на Днепре; часть 1-й армии должна была следовать потом по той же дороге... По достижении надлежащей цели сих сражений (4—5 августа под Смоленском. — В. В.) развалины Смоленска оставлены неприятелю».

Багратион был возмущен оставлением Смоленска, поскольку была сорвана активная оборона на выгодном стратегическом рубеже.

В архиве хранится письмо Багратиона от 7 августа 1812 г.: «Больно, грустно и вся армия в отчаянии, что самое важное место понапрасну бросили... Я клянусь вам моей честью, что Наполеон был в таком мешке, как никогда; и он бы мог потерять половину армии, но не взять Смоленска. Войска наши так дрались и так дерутся, как никогда»⁴⁾.

¹⁾ Там же.

²⁾ Там же, д. 3469, лл. 181—183 об. Рапорт Багратиона Александру I от 5 августа 1812 г., № 475.

³⁾ Там же.

⁴⁾ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3690, л. 18.

Материалы военно-исторического архива дают возможность уточнить и дополнить имеющиеся сведения о боевых действиях русских войск под Смоленском.

В исторических работах недостаточно освещается бой 27 июля между селениями Молево-Болото и Лешнею. В них не указываются состав и численность войск, участвовавших в бою, отсутствует правильное описание боя, не освещается героизм русских войск и потерь сторон. Как видно из рапорта генерала Платова Барклаю от 27 июля 1812 г., с русской стороны в бою между Молево-Болото и Лешнею приняли участие следующие полки Платова: генерал-майора Денисова, Симферопольский татарский под командою генерал-майора Кутейникова 2-го, генерал-майора Иловайского 5-го, подполковника Грекова 18-го, двести человек из первого Башкирского полка при адъютанте Платова поручике Жилине¹⁾.

В сражении приняла участие и 2-я рота донской конной артиллерии войскового старшины Суворова, состоявшая из 12 орудий²⁾.

Всего отряд Платова насчитывал не более 3000 человек³⁾. Этот документ разоблачает лживое утверждение наполеоновского бюллетеня о том, что «12 тысяч кавалерии противника пошли на Инково и атаковали дивизию генерала гр. Себастиани»⁴⁾.

Рапорт участника боя подполковника Чуйкевича Барклаю от 27 июля устанавливает состав войск противника, принявших участие в бою между Молево-Болото и Лешней. Согласно рапорту, в бою участвовал почти весь 2-й резервный кавалерийский корпус генерала Монбрюна и 24 полк легкой пехоты генерала Себастиани, подкрепленный «4 орудиями артиллерии»⁵⁾. Это опровергает преуменьшенные данные о силах противника, которые содержатся в упомянутом бюллетене Наполеона (стр. 52), а также в рапорте о бое

¹⁾ Там же, д. 3465, л. 95 и об. Рапорт Платова Барклаю-де-Толли от 27 июля 1812 г., № 110.

²⁾ В приложениях к своему рапорту Барклаю от 29 июля за № 113 Платов, перечисляя полки, участвовавшие в сражении 27 июля, не называет 1-го Башкирского полка. ф. ВУА, д. 3506, л. 301 об. Документ напечатан в издании «Отечественная война 1812 г.», СПб. 1910, т. XIV, стр. 273. Составители не указывают, что приложение является оригиналом и подписано Платовым.

³⁾ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, л. 95.

⁴⁾ Там же, д. 3506, л. 251 об. Рапорт Платова Барклаю от 20 июля 1812 г. Платов сообщал, что в полках состоит налицо не более как по 400 человек «и те третью часть имеют слабых лошадей».

⁵⁾ «Les bulletins français concernant la guerre en Russie, pendant l'année 1812», A. Londres 1813, XIII, p. 52.

⁶⁾ Полки 5, 7 и 9 гусарские, Прусский и Варшавский уланские и Вюртембергский легкоконный. Несколько позднее подоспели 4 полка из корпуса Монбрюна: 3 егерских — 4-й, 10-й, 12-й и 1 кирасирский ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3506, л. 292 об.

27 июля полковника Толя¹⁾). В связи с этим необходимо внести поправки в историографию, которая также умалчивает об участии в бою войск Монбрюна²⁾).

В рапорте Чуйкевича правдиво освещается бой 27 июля. Этот документ свидетельствует о высоком боевом духе и воинском мастерстве русских войск, которые, умело применив атаку на фланги противника, нанесли ему решительное поражение. Чуйкевич писал: «...с нашей стороны со всех пунктов сделана на неприятеля сильная атака, простиравшаяся с фланга на фланг не менее полуторы версты и неприятель... храбростью российских войск совершенно опрокинут и преследован с большим поражением на двувёрстное расстояние»³⁾).

В это время к Платову подоспел на помощь генерал Пален с тремя гусарскими полками⁴⁾, которому и было поручено дальнейшее преследование неприятеля⁵⁾).

Важным источником для освещения этого боя являются также полковые списки отличившихся генералов, офицеров и рядовых.

Списки показывают, что против иноземных захватчиков плечом к плечу сражались русские, украинцы, башкиры и другие народы России. Эти материалы свидетельствуют об ожесточенности боя, а также об исключительной стойкости, героизме и боевом мастерстве воинов русской армии, отстаивавших свободу и независимость своей Родины.

Так, войсковые старшины Атаманского полка Копылков и Янов, «командуя сотнями, во все время сражения действовали с отличною храбростью, находясь впереди и, невзирая на превосходство сил неприятельской кавалерии и на жестокий огонь, ударили в дробы, смешали оную и с поражением прогнали за деревню Лешню, подавая пример храбрости подчиненным своим»⁶⁾).

Подобное поведение характерно и для воинов других полков. Списки отличившихся в бою между Молево-Болото и Лишнею хранятся в фонде Общей канцелярии военного министра (ф. 29).

¹⁾ Там же, л. 290 и об. Толь ошибочно полагает, что все неприятельские полки, принявшие участие в бою, «состояли в команде генерала Себастиани» и не упоминает о полках Монбрюна. Толь не участвовал в сражении 27-го июля, а потому мы должны предпочесть его свидетельству, свидетельства участников — Чуйкевича и Платова. Там же, д. 3506, лл. 290 и об., 292 об., д. 3465, л. 97 об.

²⁾ Михайловский-Данилевский, Описание Отечественной войны в 1812 году, ч. II, СПб, 1839, стр. 72; Евгений Вюртембергский, Воспоминания о кампании 1812 года в России. «Военный журнал» 1847, № III, стр. 221, 222; Богданович, История Отечественной войны 1812 г., по достоверным источникам, т. I, СПб, 1859, стр. 232 и др. работы.

³⁾ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3509, л. 72.

⁴⁾ Изюмским, Сумским и Мариупольским.

⁵⁾ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, папка 2, лл. 95—98.

⁶⁾ ЦГВИА, ф. 29, оп. 153 г., св. 5, д. 8, л. 136.

Если о потерях неприятельской стороны в бою 27 июля мы имеем упоминания в исторических работах, то вопрос о потерях войск Платова в бою при Молево-Болото и Лешне даже и не ставился исследователями. Достоверные данные о потерях русских войск имеются только в ведомостях казачьих полков Платова, которые хранятся в Центральном государственном военно-историческом архиве.

Эти материалы дают возможность точно определить русские потери убитыми и ранеными в бою между селениями Молево-Болото и Лешнею.

Согласно этим ведомостям, войска Платова в сражении 27 июля 1812 г. понесли следующие потери:

Убито — 18 человек (1 офицер и 17 казаков); ранено — 109 человек (10 офицеров и 99 казаков); пропавшими без вести казачьи войска потерь не имели. Всего с русской стороны было убито и ранено 127 офицеров и казаков.

Потери войск Наполеона, участвовавших в бою 27 июля 1812 г., определяются историками не одинаково.

Чуйкевич исчисляет их в 200 человек убитыми и 54 пленными (9 офицеров и 45 нижних чинов).

Количество раненых автор определяет в 400 человек¹⁾.

В «Известиях о военных действиях Российской армии против французов 1812 г.» от 27 июля 1812 г. сообщалось: «Генерал от кавалерии Платов доносит главнокомандующему армиями, что он при Инкове сбил неприятельские форпосты и, по прогнании оных на некоторое расстояние, неприятель стал их сильно покреплять, так что из сей перестрелки началось кавалерийское дело и неприятель в оном совершенно разбит; взято в плен: 1 полковник, несколько офицеров и до 500 рядовых и все полки неприятельские, бывшие в сем деле, весьма потерпели»²⁾).

¹⁾ Чуйкевич П., Рассуждения о войне 1812 г., СПб, 1813, стр. 43.

В примечании к «Ведомости, показывающей потерю неприятелей со времени вступления их в границы Российской Империи до прогнания за реку Вислу» Чуйкевич писал: «Потеря неприятеля в сражениях: Бородинском, Смоленском, Витебском, Дашковском поставлена третья часть против того, что он потерял в сих делах убитыми, ранеными и пленными или вышедшими из фронта по собственным его рапортам, доставшимся победителям.

В других же делах число убитых поставлено равномерно с таковым же уменьшением против донесений командующих о потере неприятеля убитыми и ранеными, ибо можно почти положить за правило, что потеря людей в сражениях бывает две трети ранеными и одна убитыми». Указ. Соч., стр. 41.

²⁾ «Известия о военных действиях». СПб, 1813, стр. 18. В книге не указан автор, отсутствуют ссылки на документы, на основе которых произведена публикация, не указываются адресаты, а также места отправки и получения документа. Указаны только даты. «Известия» охватывают время с 17 июня по декабрь 1812 г. включительно.

Данный отрывок имеет в виду рапорт Барклая-де-Толли Александру I от 27 июля 1812 г. из селения Выдры, но значительно искажает его ¹⁾.

Прежде всего цитированный отрывок из «Известий» содержит неправильное указание места, где произошло дело. В рапорте Барклая-де-Толли упоминается селение Инково, но совершенно в другой связи ²⁾.

Цифровые данные повторяют то, что сообщил Барклай Александру.

Однако цифры взятых в плен офицеров и рядовых наполеоновской армии не соответствуют тем сведениям, которые сообщил Платов Барклаю-де-Толли в своем донесении о сражении между селениями Молево-Болото и Лешнею от 27 июля 1812 г.

Платов писал: «Неприятель потерял большое количество, ежели не больше, то по крайней мере половину кавалерийского корпуса..., из пехотного же полка осталось не больше ста человек и те спаслись бегством; в плен взято — полковник полка конноегерского, подполковник гусарской, майор один, обер-офицеров 7. Разных полков унтер-офицеров и рядовых еще не сочтено, но полагательно, что будет более трехсот человек...» ³⁾.

Ошибку «Известий» относительно места сражения 27-го июля 1812 г. и о количестве пленных полностью повторяет и журнал «Сын Отечества» ⁴⁾.

¹⁾ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3504, л. 361 и об. Рапорт № 619.

²⁾ Барклай писал: «Перед отправлением донесения в. и. в. за № 618 я получил рапорт генерала от кавалерии Платова, что он по прежде данному ему от меня предписанию, когда я намерен был занять сего числа (27 июля 1812 г. — В. В.) лагерь при Инкове, сбил неприятельские форпосты и по прогнанию оных на некоторое расстояние, неприятель стал их сильно подкреплять, так что из сей перестрелки началось кавалерийское дело и неприятель в оном совершенно разбит, взят в плен: 1 полковник, несколько офицеров и до 500 рядовых и все полки неприятельские бывшие в сем деле, почти истреблены... Там же.

Несколько иные цифры указываются в «Кратком военном журнале движения 1-й западной армии от укрепленного лагеря при Дриссе до города Смоленска». Полковник Толь, который вел «Журнал» в 1812 г., писал, что Платов взял в плен 1 полковника, много штаб- и обер-офицеров и до 800 нижних чинов. Там же, д. 3485, л. 34.

³⁾ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3465, папка 2. Копия с рапорта Платова Барклаю за № 110 от 27 июля 1812 г.

Из рапорта Барклая-де-Толли Кутузову от 7 сентября 1812 г. узнаем о судьбе пленного полковника. Он оказался голландским уроженцем графом Труссет и был отправлен к Москве. «По причине данного им честного слова не было за ним строгого надзора и он, пользуясь сим, бежал из-под Москвы, но 30 числа прошедшего месяца пойман был фурлейтами 33-го егерского полка переодетый в нашей солдатской шинели и отправлен в Рязань».

ЦГВИА, ф. 103, д. 107, ч. 2, св. О. оп. 208а, л. 32.

⁴⁾ Сын Отечества, 1813, ч. 3, стр. 178.

Таким образом, помимо убитых и раненых войска Наполеона в сражении 27 июля 1812 г. при Молево-Болоте и Лешне потеряли только пленными 300 человек, в то время как с русской стороны неприятель не взял в плен ни одного человека.

Что же касается потерь неприятеля убитыми и ранеными в этом деле, то, согласно уменьшенным данным французского бюллетеня, они доходили до 200 человек ¹⁾.

Итак, в результате сражения между Молево-Болото и Лешнею армия Наполеона потеряла минимально 200 человек убитыми и ранеными и 300 человек пленными против 127 человек, выбывших из строя с русской стороны. Это лишний раз свидетельствует о высоких боевых качествах русских войск.

В описании сражения 2-го августа под Красным некоторые историки, допуская фактические погрешности, неправильно изображали характер этого боя.

Михайловский-Данилевский ²⁾, Богданович ³⁾ и Божерянов ⁴⁾ объясняют успех Неверовского ошибками, которые якобы допустил Мюрат.

Скугаревский ошибочно полагает, что Неверовский не задержал неприятеля, и объясняет это неподготовленностью позиции под Красным ⁵⁾.

Васенко ⁶⁾ также искажает действительность, утверждая, что отряд был выведен Неверовским из города при приближении неприятеля.

Что касается французских свидетельств ⁷⁾, то они, основываясь на рапорте Нея от 2 августа 1812 года ⁸⁾ и упомянутом наполеоновском бюллетене ⁹⁾, отрицают какое-либо сопротивление Неверовского в городе.

Рапорты Неверовского Багратиону достоверно рисуют это сражение. Два из них датированы 2 августа 1812 года и в настоящее время хранятся в Центральном государственном архиве древних

¹⁾ Указ, бюллетень № XIII от 21 августа (по н/с) из Смоленска, ст. 52. Бюллетень умалчивает о пленных, взятых войсками Платова 27 июля 1812 г. и ошибочно считает потерю с русской стороны убитыми и ранеными равной потери французов.

²⁾ Описание Отечественной войны в 1812 году, ч. 2-я, СПб. 1839, стр. 91—94.

³⁾ История Отечественной войны 1812 года, ч. I, СПб. 1859, стр. 244—248.

⁴⁾ Война русского народа с Наполеоном в 1812 году, СПб. 1911, стр. 52.

⁵⁾ 1812 год. От начала войны до Смоленска. Казань, 1898, стр. 72.

⁶⁾ «Двенадцатый год», СПб. 1911, стр. 59.

⁷⁾ Например, Пювибюск утверждает, что под давлением французских войск Красный был оставлен русскими мгновенно.

«Письма о войне в России 1812 г.» М. 1833, стр. 63.

⁸⁾ ЦГВИА, ф. Аракчеева, д. 94, л. 47—48.

⁹⁾ Указ, бюллетень. В этом бюллетене читаем: «Она, (т. е. 27 дивизия, как ошибочно именуется бюллетень отряд Неверовского) была атакована и в мгновение захвачена герцогом Эхингенским».

актов в фонде Ермоловых. Третий рапорт послан Неверовским 3 августа и четвертый — датирован 16 августа 1812 г. Они хранятся в Центральном государственном военно-историческом архиве (фф. ВУА и 103). Эти очень ценные документы не были использованы историками.

Как свидетельствуют эти документы, рано утром 2-го августа неприятельская кавалерия, подрепляемая пехотой, атаковала в Лядах посты полковника Быхалова, который отступил к Красному, поддерживаемый Харьковским драгунским полком.

«Г. Быхалов, — читаем в рапорте Неверовского Багратиону, — при сем отступлении, лично команду казаками с неустрашимостью не только отражал его (неприятеля. — В. В.), но и сам нападая, побил до 100 человек без всякой со своей стороны потери»¹⁾.

В Красный прибыл весь авангард генерал-майора Оленина. Последний дал знать, что неприятель показывается около Красного не в «дальнем расстоянии по дороге от Зверовичи»²⁾.

«По сближении у сего города всех войск отряда мне вверенного, — доносил Неверовский, — расположил я 49-й егерский полк для защищения города по домам и сараям, оставив ему в резерв 1 батальон 50-го и 1 батальон 41-го полков с двумя орудиями донской артиллерии, с прочими войсками взял позади города позицию, прикрыв фланги Харьковским драгунским полком и отрядил батальон 50-го егерского полка с казачьим полком Грекова 21-го для очищения тыла расположения войск»³⁾.

Около 3-х часов дня войска Нея и Мюрата, переправившись у Рассасны и Хомина, показались у Красного.

24-й легкий пехотный полк, поддержанный войсками 10-й дивизии, атаковал город⁴⁾.

Около 4-х часов держался Неверовский в занятой им позиции, отражая бешеные приступы неприятеля⁵⁾.

Героизм русских воинов был всеобщим. Вот один из эпизодов битвы, отраженный в списках отличившихся:

¹⁾ ЦГАДА, ф. Ермоловых, оп. 19, д. 13, л. 6, № 1367. Рапорт Неверовского Багратиону от 2 августа из Красного.

²⁾ Там же.

³⁾ ЦГВИА, ф. 103, оп. 208а, д. 106, л. 79, № 1379. Рапорт Неверовского Багратиону от 16 августа.

Михайловский-Данилевский ошибочно полагает, что Неверовский оставил только батальон егерей с 2-мя орудиями. Указ. соч., стр. 89. Эту ошибку, повторяет Богданович (указ. соч., стр. 243) и Карцов («Военно-исторический обзор войны 1812 г.», Спб. 1838, стр. 32).

⁴⁾ ф. Аракчеева, д. 94, л. 47. Рапорт Нея в генеральный штаб от 14 августа (по в/с).

Скугаревский ошибается, когда говорит о нападении на Красный только кавалерии. Указ. соч., стр. 73.

⁵⁾ Бутурлин уменьшает продолжительность сражения в городе до 2-х час. «История нашествия Наполеона на Россию». Спб. 1837, стр. 207.

«Неприятель в превосходных силах, сбивая наших стрелков, начал было уже переправляться через реку, протекавшую между городом и форштатом оного в намерении отрезать переправляющихся наших стрелков в правой стороне через оную же речку..., но дабы воспрепятствовать вредному намерению неприятеля поручик Подольский был командирован с сильными стрелками, которым он подавая пример собою, с неустрашимой храбростью напал на неприятельских, переправившихся уже на нашу сторону, и хоть оные упорно сопротивлялись, но отважным нападением наших стрелков, одушевленных к оному поручиком Подольским, были опрокинуты и в замешательстве принуждены были спасаться бегством обратно через реку в брод с значительными для них потерями»¹⁾.

Только когда Неверовский увидел, что «неприятельская кавалерия до 16 полков..., поддерживаемая семью полками пехоты и многочисленной артиллерией», обходит его фланги, он отступил в порядке за речку Лоствицу, протекающую в 3-х верстах от Красного.

«Здесь неприятельская конница удвоила свои усилия, Харьковский драгунский полк отражал нападения ее с отличной храбростью.

Наконец, пехотные полки, оставшиеся одни, окружены были ею, тогда увидел я, — писал Неверовский, — до чего может возвысится мужество и неустрашимость русского солдата.

Преодолевая с твердостью ему одному прилично все препятствия, неприятелем на пути ежеминутно полагаемые, проложила пехота себе дорогу до селения Мерлино. Тут батальон 50-го егерского полка, устроенный мною под командою шефа полковника Назимова с 2-мя донскими орудиями, к нему пристроившимися, остановил стремление неприятельской конницы и ограждал отступление нашей пехоты.

Наконец, бросившись в штыки, привел в изумление неприятеля и принудил его оставить тщетные покушения к дальнейшему преследованию.

После сих действий отошел я к Корытне и на другой день по повелению г. генерал-лейтенанта Раевского отступил к Смоленску»²⁾.

До настоящего времени не произведено точного вычисления потерь отряда Неверовского в сражении под Красным.

Исследователи Отечественной войны или обходят молчанием вопрос о потерях отряда Неверовского в этом сражении или же

¹⁾ ЦГВИА, ф. 103, оп. 208а, св. 6, д. 57, л. 49. Свидетельство, данное поручику 41-го егерского полка Подольскому.

²⁾ ЦГВИА, ф. 103, оп. 208а, д. 106, л. 79 об.

приводят без какой-либо ссылки на источник общую цифру потерь русских войск до 1 500 человек¹⁾.

Вероятно, эта цифра была взята из рапорта Неверовского Багратиону от 3 августа 1812 г. из Ясеной²⁾.

Неверовский в этом рапорте писал: «Урон с неприятельской стороны весьма велик, с нашей простирается до 1500 человек убитыми, ранеными и неизвестно пропавшими.

Точного же исчисления потери, по краткости времени, я до сих пор сделать не мог»³⁾.

Таким образом, сам Неверовский признавал свой подсчет не точным.

Другие авторы ограничиваются о потерях Неверовского общей фразой⁴⁾.

Французские свидетельства, как и следует ожидать, тенденциозны и неверны.

Граббе так характеризует французские источники:

«Записки Наполеона..., а тем более бюллетени его, нужно читать с осторожностью и недоверчивостью... он неудачи выставляет

¹⁾ Бутурлин определяет потери Неверовского в 5 пушек и до 1500 человек, выбывших из строя.

«История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г.», часть 1-я, СПб, 1837, стр. 209.

Богданович считает, что Неверовский во время отступления к Смоленску потерял до 1500 человек, в числе которых было 800 пленных.

Французы потеряли, по мнению автора, убитыми и ранеными до 500 чел. Автор в своих цифрах ссылается на Шамбре и Тьера. «История Отечественной войны 1812 года», ч. 1, СПб, 1859 г., стр. 245.

Приведенные Богдановичем цифры перешли в анонимный «Исторический очерк Смоленска», СПб, 1894 г., стр. 36.

Эту же цифру приводит и Скугаревский, с той только разницей, что если Богданович долагает пленными с русской стороны 800 человек, то Скугаревский пишет о половинной потере пленными.

1812-й год. От начала войны до Смоленска включительно. Казань, 1898 г., стр. 74.

²⁾ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3468, лл. 329—330, № 1375.

³⁾ Там же, л. 330.

Из этого количества было убито и ранено, по мнению Неверовского, 1200 рядовых, 20 штаб и обер-офицеров; смертельно был ранен и тотчас скончался адъютант Неверовского Евсюков.

«Записка генерала Неверовского о службе своей в 1812 году». Сообщил М. А. Максимович. «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете». М. 1859 г. кн. 1-я, отд. V, стр. 78.

Приведенную Неверовским в рапорте цифру потерь переносит в «Краткий военный журнал движениям 1-й Западной армии от Дриссы до Смоленска и далее» Толь, ф. ВУА, д. 3485, л. 35.

⁴⁾ Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. Артиллерии подполковника И. Р..., М. 1833 г., стр. 108.

Маковский Д.. «Героическое прошлое Смоленщины», Смолгиз, 1946, стр. 81.

как успехи. «Mentir comme un bulletin» ввели в пословицу сами французы»¹⁾.

Согласно наполеоновскому бюллетеню, в сражении под Красным у русских было захвачено в плен 1 500 чел. и убито более тысячи. Таким образом, констатирует бюллетень, «русская дивизия (так ошибочно назван отряд Неверовского. — В. В.), состоявшая из 5 000 человек, потеряла более половины своего состава»²⁾.

Пюньбюск, отдавая должное твердости и мужеству воинов Неверовского, однако значительно преувеличивает его потери, определяя их до 2 000 чел.³⁾.

Что касается показаний о потерях русской артиллерии под Красным, то они очень разноречивы⁴⁾.

Ведомости потерь полков (Симбирский пехотный, 49 и 50 егерские из 27 пехотной дивизии; Полтавский пехотный из 26 пехотной дивизии; 41 егерский из 12 пех. дивизии; Харьковский драгунский из 4 кавалерийского корпуса), принимавших участие в сражении 2-го августа 1812 года, дают возможность точно определить количество убитых, раненых и пропавших без вести русских воинов в этом сражении.

Как видно из этих ведомостей, в отряде Неверовского было убито 346 человек (25 офицеров и 321 рядовой); ранено 285 чел. (27 офицеров и 258 рядовых), пропало без вести 647 чел. (20 офицеров и 627 рядовых)⁵⁾.

¹⁾ Из памятных записок гр. Граббе, «Русский архив», 1873 г., кн. 1, 815—816.

²⁾ Приведенные цифры далеки не только от истины, но и от данных, приведенных Неем в рапорте о сражении под Красным от 2/14 августа 1812 г. Нея пишет, что в результате сражения им было захвачено 8 орудий, около 800 пленных. Количество убитых с русской стороны Неем определяется в 500 человек, а вместе с ранеными Неверовский, по рапорту Нея, потерял половину своего состава. ЦГВИА, ф. 341, д. 94, л. 48.

³⁾ Письма о войне в России 1812 г. М. 1833 г., стр. 64, Письмо от 8 (20) августа 1812 г.

⁴⁾ Толь пишет о 5-ти потерянных Неверовским орудиях; Бутурлин, заимствуя эту цифру, говорит о 5-ти потерянных пушках; указ. соч., стр. 209; Пюньбюск насчитывает потерянными 8 русских пушек; эта цифра, вероятно, заимствована Пюньбюском из упомянутого французского бюллетеня.

⁵⁾ ЦГВИА, ф. 103, оп. 208 а, св. О, д. 107, ч. 34, л. 278. Ведомость полкам 27-ой пехотной дивизии, бывшим в сражении 2-го августа при Красном, от 18 августа 1812 г. Там же, д. 107, ч. 37, л. 109. Ведомость 4-го кавалерийского корпуса 4-й дивизии.

Там же, д. 1, л. 296. Ведомость 7-го пехотного корпуса о убитых. Отдельные ведомости приводят другие цифры: так, согласно ведомости о потерях от 2 октября 1812 г. Симбирского пехотного полка, в сражении 2-го августа 1812 г. полк потерял: убитыми 1 офицера и 72 рядовых, ранеными и без вести пропавшими 6 офицеров и 227 рядовых; ф. 103, оп. 208а, св. О, д. 107, ч. 34, л. 267 об.

Всего по трем рубрикам — 1 278 человек. Как показывают документы, во время сражения под Красным Неверовский был вынужден оставить 7 орудий¹⁾ из 12-ти, которые находились в составе 31-й батареей роты.

Материалы военно-исторического архива дают возможность осветить и сражение под Смоленском 4—5 августа 1812 года.

До настоящего времени историками не произведено точного подсчета сил, которыми располагал генерал Раевский 4-го августа 1812 г.

Богданович пишет, что Раевский имел не более 13 тысяч человек²⁾.

Сугаревский определяет силы Раевского до 15 тысяч³⁾, Мавковский — в 13 тысяч⁴⁾.

В действительности, как об этом свидетельствуют полковые ведомости, в войсках Раевского состояло 16 095 человек (1 535 офицеров и 14 560 рядовых)⁵⁾.

Документы опровергают вымышленные сведения наполеоновского бюллетеня о том, что 16-го августа Раевский занимал Смоленск с 30 тысячами человек⁶⁾. Бюллетень также искажает истину, утверждая, что Наполеон к моменту нападения на Смоленск имел 100.000 человек⁷⁾. В действительности, согласно документам архива, Наполеон к моменту нападения на Смоленск располагал 182.000 чел.

Подполковник А. П. Александров, составивший «Историю 24-го пехотного Симбирского полка, часть 1-я (1811—1861)» (Кременчуг, 1911 г., стр. 14), приводит ту же цифру убитых рядовых, что и ведомость от 18 августа 1812 г. — 77 человек.

Ведомость потерь 49-го егерского полка от 1 октября 1812 г. приводит следующие цифры: убито 3 офицера и 145 рядовых, ранено 4 офицера и 44 рядовых, пропало без вести 4 офицера и 165 рядовых. Там же, л. 271.

Черников ведомости потерь 1-ой Западной армии от декабря 1812 года содержит следующие ошибочные цифры потерь русских войск под Красным 2 августа 1812 года: убито — 6 обер-офицеров, 6 унтер-офицеров, 3 музыканта. 251 рядовой; ранено — 3 обер-офицера, 13 унтер-офицеров, 293 рядовых, 4 нестроевых; без вести пропало — 7 унтер-офицеров, 1 музыкант, 335 рядовых, 1 нестроевой, итого 923 чел.

Там же, д. 107, ч. 39, л. 31.

¹⁾ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3468, л. 330. Рапорт Неверовского Багратиону от 3 августа 1812 г., № 1375.

²⁾ Указ. соч., стр. 248.

³⁾ 1812 год. От начала войны до Смоленска включительно. Казань, 1898 г., стр. 76.

⁴⁾ Героическое прошлое Смоленщины. Смолгиз, 1946, стр. 81.

⁵⁾ ЦГВИА, ф. 103, д. 106, лл. 73—81.

⁶⁾ Указ. бюллетень, стр. 52.

⁷⁾ Указ. бюллетень, стр. 10.

Историки сообщают различные сведения о количестве войск, участвовавших в сражении 5 августа под командованием генерала Дохтурова.

Полковые ведомости показывают, что 5 августа против 150 тыс. армии Наполеона сражалось 38 000 русских воинов. Это является свидетельством превосходства русских войск над разношерстной наполеоновской армией.

В исторических работах даны недостаточно точные и правильные сведения о составе и расположении русских войск под Смоленском¹⁾.

Документы военно-исторического архива восполняют и этот пробел.

Списки об отличившихся свидетельствуют, что 4 августа русские войска были расположены следующим образом: 12 пехотной дивизии генерал-майора Палицына 1-ая бригада генерал-майора гр. Воронцова — Смоленский пехотный полк майора Рененкампа²⁾ находился на левом фланге около Днепра и защищал мост через реку³⁾.

Нарвский полк подполковника Богдановского сражался в Мстиславльском предместье левее Королевского бастиона⁴⁾.

2-я бригада полковника Панцербитера: Алексопольский полк подполковника Петрыгина сражался в Мстиславльском предместье левее Королевского бастиона, занимая левый фланг дороги, веду-

¹⁾ Автор статьи «Бой под Смоленском» писал, что «генерал Раевский 26-ю дивизию... занял место между Днепром и Красненскою дорогою, 12-юю предместья города, 27-я составляла подкрепление, конница поставлена по крылам; орудия размещены от Королевского пролома до кладбища».

Н. И. К. «Бой под Смоленском», «Сын Отечества», № 12, стр. 195, 1823.

Похвиснев лишь пишет, что 26 пехотная дивизия «была в передовом отряде от Красненской дороги до реки Днепра, а 12 и 27 дивизии составляли боевую линию». Указ. соч., стр. 75.

Михайловский-Данилевский приводит расположение дивизий, не указывая расположения полков. Указ., соч., стр. 103—104.

Богданович, говоря о расположении полков, допускает погрешности. Указ. соч., стр. 253—254.

Полковые истории не всегда заслуживают доверия. Так, в «Истории Одесского пехотного полка» сказано, что Одесскому полку вместе с Тарнопольским полком было приказано занять позицию в Мстиславльском предместье, тогда как в наградном списке говорится, что Одесский полк сражался в Рославльском предместье. «История 48-го пехотного Одесского полка», стр. 63, М. 1911.

²⁾ Рененкампф, служивший в 33-м егерском полку, был назначен командовать Смоленским полком вместо полковника Рылеева, раненого в бою при Салтановке.

³⁾ ЦГВИА, ф. 103, д. 106, л. 99.

⁴⁾ Там же.

шей к Могилеву¹⁾, Новоингерманландский полк подполковника Жукова — на левой оконечности Мстиславльского предместья²⁾.

Из 3-й бригады генерал-майора Палицына в сражении принял участие 41-й егерский полк под командованием подполковника Шеина 1-го, который защищал мост через Днепр³⁾.

Полки 26-й пехотной дивизии генерал-майора Паскевича занимали следующее местоположение:

1-й бригады под командованием Паскевича: Орловский полк майора Берникова прикрывал среднюю батарею Королевского бастиона⁴⁾;

Нижегородский полк подполковника Кадышева расположился в Краснинском предместье правее Королевского бастиона, на север от него⁵⁾.

2-я бригада полковника Либгардта: Ладожский полк полковника Савойни защищал Краснинское предместье и прикрывал Королевский бастион с правой стороны с севера⁶⁾.

Полтавский полк под командованием подполковника Бабоедова занимал Королевский бастион⁷⁾.

Из 3-ей бригады полковника Гогеля 2-го 5-й егерский полк под командованием майора Ковригина также был расположен в Королевском бастионе⁸⁾.

Русская артиллерия 4 августа под командованием генерал-майора Бухольца⁹⁾, состояла из 12-ой бригады подполковника Саблина и 26-ой бригады подполковника Шульмана.

12-ая артиллерийская бригада сражалась на Королевском бастионе, на Мстиславльской дороге и на левом фланге русского расположения¹⁰⁾.

26-ая артиллерийская бригада прикрывала войска, сражающиеся в Рославльском предместье, а также защищала Малаховские ворота и мост через Днепр¹¹⁾.

4-го кавалерийского корпуса генерал-майора гр. Сиверса¹⁾ Харьковский драгунский полк под командованием прикомандированного к полку подполковника Сакена²⁾ находился на передней линии у Рославльского предместья.

Новороссийский драгунский полк под командованием майора Теренина сражался к югу от Рославльского предместья³⁾.

Полк подкрепляла конно-артиллерийская рота № 10⁴⁾. Полки 27-й пехотной дивизии генерал-майора Неверовского⁵⁾ сражались в следующих местах: 1-ой бригады полковника Княжнина Симбирский полк подполковника Рындина был назначен защищать днепровский мост. Вследствие успешных действий полков, находившихся перед ним на правом фланге, полк почти не принимал участия в бою⁶⁾.

Виленский полк полковника Княжнина сражался на стенах города.

2-й бригады полковника Ставицкого⁷⁾ Одесский полк полковника Потулова сражался в Рославльском предместье⁸⁾.

Тарнопольский полк полковника Титова входил в команду генерал-майора Паскевича и защищал Рославльское предместье⁹⁾.

3-й бригады полковника Воейкова¹⁰⁾ 49-й егерский полк полковника Кологривова сражался у Малаховских ворот, прикрывая находившуюся там артиллерию¹¹⁾.

50-й егерский полк полковника Назимова также защищал Малаховские ворота¹²⁾.

4-го августа отличилась в сражении у прикрытия Королевской батареи и находившаяся в Смоленске для заготовления сухарей команда из 300 человек¹³⁾, возглавляемая майором Самсоновым 1-м¹⁴⁾.

Согласно спискам, 5 августа войска 6-го пехотного корпуса генерала Дохтурова сражались в следующих местах: 7-й дивизии генерал-лейтенанта Капцевича¹⁵⁾: 1-й бригады полковника Ляпуно-

¹⁾ Там же, л. 100 об.

²⁾ Там же, л. 101 и об.

³⁾ Там же, л. 102 об.

⁴⁾ Там же, л. 103.

⁵⁾ Там же, д. 10, ч. 2, л. 152 об.

⁶⁾ ЦГВИА, ф. 103, д. 106, л. 96 об., д. 10, ч. 2, л. 152 об.

⁷⁾ Там же, д. 106, л. 97.

⁸⁾ Там же.

⁹⁾ Там же, ф. 29, оп. 153, св. 2, д. 60. Рапорт Кутузова Александру I от 4 апреля 1813 г., № 231.

¹⁰⁾ Там же, ф. 103, д. 106, лл. 103 об., 104 и об.

¹¹⁾ Там же, лл. 104, об., 105.

¹⁾ Там же, д. 10, ч. 1, л. 163 об.

²⁾ Там же, д. 106, л. 31 об.; д. 10, ч. 1, л. 160.

³⁾ Там же, ф. 103, д. 107, ч. 27, л. 62.

⁴⁾ Там же, ф. 103, д. 106, л. 125 об.

⁵⁾ Там же, лл. 105 об., 124 об.

⁶⁾ Там же, л. 113.

⁷⁾ ЦГВИА, ф. 103, д. 106, л. 105 об.

⁸⁾ Там же, л. 109.

⁹⁾ Там же, д. 51, л. 244.

¹⁰⁾ Там же, д. 106, л. 112.

¹¹⁾ Там же, л. 55.

¹²⁾ Там же, л. 112 об.

¹³⁾ Там же, л. 111.

¹⁴⁾ Там же.

¹⁵⁾ Там же, ф. 29, оп. 153, св. 10, д. 5, л. 195 об.

ва¹⁾ Псковский полк под его же командованием в Мстиславльском предместье²⁾).

Московский полк полковника Монахтина³⁾, которым 5 августа командовал полковник Шамшев, сражался в Мстиславльском предместье⁴⁾).

2-й бригады полковника Айгустова Либавский полк полковника Бестужева-Рюмина защищал пролом крепости⁵⁾).

Софийский полк полковника Халаятина сражался в Мстиславльском предместье⁶⁾).

3-ей бригады генерал-майора Балла 11-й егерский полк майора Штемпеля защищал вход в город со стороны Рославльского предместья⁷⁾).

36-ой егерский полк подполковника Каширинова также сражался в Рославльском предместье⁸⁾).

Полки 24-ой пехотной дивизии генерал-майора Лихачева⁹⁾ сражались 5-го августа в следующем расположении: 1-й бригады генерал-майора Цыбульского¹⁰⁾ Уфимский полк подполковника Демидова в Краснинском предместье¹¹⁾).

Ширванский полк майора Теллова сражался в Краснинском предместье¹²⁾).

2-й бригады полковника Денисова Бутырский полк под его же командованием сражался на Королевском бастионе¹³⁾).

Томский полк подполковника Попова прикрывал дорогу на Красный¹⁴⁾).

40-ой егерский полк полковника Сазонова из 3-ей бригады полковника Вуича в этот день сражался на Королевском бастионе¹⁵⁾).

Полки 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Коновницына¹⁶⁾ сражались у Малаховских ворот: 1-й бригады генерал-майора Тучкова 4-го Муромский полк майора Борисова¹⁷⁾;

Ревельский полк полковника Жельвинского¹⁾;

2-й бригады Черниговский полк полковника Ушакова²⁾;

Копорский полк полковника Островского³⁾;

3-ей бригады генерал-майора кн. Шаховского⁴⁾ 20-й егерский полк подполковника Капустина⁵⁾; 21-й егерский полк майора Степанова. Полки 4-ой дивизии генерал-майора Евгения Виртембергского⁶⁾ сражались в следующих местах: 1-й бригады генерал-майора Росси — Волынский полк подполковника Курносова в Раченском предместье⁷⁾; Кременчугский полк полковника Пышницкого защищал Никольские ворота⁸⁾; 2-й бригады полковника Шрейдера — Тобольский полк под его же командованием сражался в Раченском предместье⁹⁾).

Минский полк подполковника Стеллиха¹⁰⁾ подкреплял войска 24-й дивизии, прикрывая подступы к Королевскому бастиону; 3-ей бригады полковника Пиллара—4-ой егерский полк полковника Федорова защищал Малаховские ворота¹¹⁾; 34-й егерский полк под командованием шефа полковника Пиллара также защищал Малаховские ворота¹²⁾; 48-й егерский полк полковника Потемкина защищал Краснинское предместье. Полки 27-ой дивизии Неверовского¹³⁾ сражались 5-го августа 1812 г. на следующих местах: Симбирский полк защищал Никольское предместье и Никольские ворота¹⁴⁾; Виленский полк защищал Никольские ворота¹⁵⁾; Одесский полк сражался в этот день в Раченском предместье¹⁶⁾; Тарнопольский полк также защищал Раченское предместье¹⁷⁾; 49-й егерский полк защищал Никольское предместье¹⁸⁾; 50-ый егерский полк сражался в Никольском предместье¹⁹⁾; 6-й егерский полк полковника Глебова 1-го²⁰⁾ сражался на левом фланге близ Никольских во-

1) Там же.

2) Там же, д. 5, лл. 200об., 201.

3) Там же.

4) Там же, л. 196; д. 162а, ч. 63.

5) Там же, л. 201; д. 1, л. 47об.

6) ЦГВИА, ф. 103, д. 5, лл. 196, 200.

7) Там же, ф. 29, д. 5, лл. 197об, 200, 206об.

8) Там же, ф. ВУА, д. 51014, л. 1.

9) ЦГВИА, ф. 20, д. 5, лл. 197 и об., 206.

10) Там же, л. 207; ф. 103, д. 1, л. 45об.

11) Там же, лл. 198, 200, 207; ф. 103, д. 1, лл. 45об. и 193об.

12) Там же, ф. 103, д. 1, лл. 45об, 194.

13) Там же, ф. 103, д. 106, л. 51 и об.

14) Там же, д. 107, ч. 34 л. 267.

15) Там же, ф. 103, д. 106, л. 50.

16) Там же, ф. 103, д. 106, л. 54об; д. 107, ч. 34, л. 260.

17) Там же, ф. 103, д. 106, л. 54.

18) Там же, ф. 103, д. 106, л. 55.

19) Там же.

20) ф. 103, д. 106, оп. 208а, св. 0, л. 47.

1) Там же, л. 202 об.

2) Там же, лл. 194, 196об, 199, 202об., 203 об.

3) Монахин исполнял 5-го августа обязанности дежурного 6-го корпуса

4) ЦГВИА, ф. 29, оп. 153 г., св. 10, д. 5, лл. 196 и об., 203.

5) Там же, лл. 199 и 203 об.

6) Там же, ф. 29, д. 5, лл. 199, 203 об., 204.

7) Там же, лл. 197, 204.

8) ЦГВИА, ф. 29, д. 5, лл. 197, 204.

9) Там же, лл. 196, 206.

10) Там же, л. 196.

11) Там же, лл. 199об.; ф. 103, д. 1, л. 44об.

12) Там же, л. 205.

13) Там же, л. 205об.

14) Там же.

15) Там же, д. 22, л. 65.

16) Там же, ф. 103, д. 106, л. 195.

17) Там же, ф. 29, д. 5, л. 200об.

рот¹⁾); лейб-гвардии егерский полк полковника Бистрома из гвардейской дивизии генерал-майора Ермолова защищал мост через Днепр²⁾, а также прикрывал русскую артиллерию, составляя резерв левого крыла³⁾; Таврический полк полковника Сулима 5-го августа защищал подступы к Днепру⁴⁾. Три другие полка 1-ой гренадерской дивизии генерал-майора гр. Строганова: лейб-гренадерский полковника Желтухина, гренадерский полк полковника Княжнина и Екатеринославский гренадерский полк полковника Криштофовича также защищали подступы к Днепру, оказывая поддержку передовым линиям русских войск.

Кексгольмский, Перновский, Полоцкий⁵⁾, Елецкий⁶⁾, 33-й егерский полки 11-ой пехотной дивизии⁷⁾, Селенгинский пехотный, 18-й егерский полки 23 пехотной дивизии, Литовский уланский полк и полки 3-го кавалерийского корпуса подкрепляли основные войска, сражавшиеся в Смоленске.

Драгунские полки 3-го кавалерийского корпуса генерал-майора гр. Палена; Оренбургский генерал-майора Дяткова, Иркутский генерал-майора Скалона и Сибирский полковника Крейца также подкрепляли передовые линии русского расположения.

Русской артиллерией 5-го августа командовал генерал-майор Костенецкий⁸⁾. 24-ая бригада подполковника Ефремова прикрывала полки 27-ой дивизии⁹⁾.

Левый фланг русского расположения прикрывала 30-я батареинная рота подполковника Нилуса¹⁰⁾ из 2-й резервной артиллерийской бригады.

7-ая артиллерийская бригада подполковника Дитерикса¹¹⁾ действовала на Королевской батарее¹²⁾.

4-ая артиллерийская бригада прикрывала Малаховские ворота¹³⁾.

Списки об отличившихся хранятся в фондах Общей канцелярии военного министра (ф. 29) и Баркляя-де-Толли (ф. 103).

Отдельные исследователи умаляют характер сражения 4 августа, считая, что это был бой, ограничившийся только канонадой и «весьма слабыми атаками» (Богданович, Скугаревский). Успех

русских войск 5 августа отдельные историки (Бутурлин) объясняют «ошибками» Наполеона. Хранящийся в фонде Баркляя-де-Толли рапорт командовавшего русскими войсками в сражении 4 августа генерала Раевского опровергает указанные утверждения.

Как видно из этого документа, в 6 часов утра 4 августа Раевский был «сильно атакован тремя корпусами: Мюрата, Нея и Даву под личным командованием... Наполеона». Атака противника была отражена и он отброшен с большими потерями¹⁾. Вот как писал Раевский Кутузову об этом сражении: «сражаясь целый день... удержал я город и форштадт не уступя ни шагу, хотя с большою с моей стороны потерю до прихода армий, которые прибыли к ночи; в оную генерал Дохтуров сменил утомленный мой корпус своим»²⁾.

В донесении Багратиона, хранящемся в фонде Военно-ученого архива, читаем: «Неприятель, быв со всеми своими силами под самым городом, продолжал нападения и усиливал атаки от 6 часов утра до 8 вечера и не только не получил никакого превосходства, но с немалым для него вредом остановлен в сей день совершенно в его предприятии»³⁾.

Как видно из документов, в восемь часов утра 5-го августа войска Дохтурова сделали вылазку из крепости и «сбил[и] неприятеля на всех пунктах по близости города ночевавшего»⁴⁾.

Наполеон, усилив свои передовые войска, «возобновил атаку, но встречен будучи из артиллерии и в штыки войсками нашими, принужден был отступить почти на пушечный выстрел. Стрелки с обеих сторон сражались не переставая до 2-х часов пополудни.

В течение сего времени 1-я армия, расположенная на правом берегу, устроила сильные батареи, дабы фланговым огнем воспрепятствовать штурму на крепость.

Около 4-х часов неприятель с своей стороны открыл огонь более как из 500 орудий и повел атаки на все части крепости, обратя

1) ф. 103, д. 1, л. 297. Бутурлин ошибочно полагает, что «1-й приступ к Смоленску со стороны Королевского бастиона был сделан 4 августа в 9 часов утра». Указ. соч., стр. 212. Эту ошибку повторяет и Никитин в «Истории Смоленска», стр. 279, и Грачев в «Достопамятных днях столетнего юбилея Отечественной войны в Смоленске», Смоленск, 1912, стр. 4.

2) ф. 103, д. 1, л. 297.

3) ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3469, л. 183. Багратион писал Чичагову о сражении 4 августа: «Войска вверенной мне армии, защищая целые сутки сей город и несмотря на все усилия неприятеля и несравненно важное его по многочисленности превосходство, не только не позволили иметь над собой поверхности, но наступавших опрокинули совершенно, не допустив к городу за 2 версты, нанеся ему важный вред...» ф. 103, д. 19, л. 406об.

4) ф. ВУА, д. 3485, л. 36, Н. И. К. искажает действительность, утверждая, что «французы в ночь на 5 число овладели Рославским и Мстиславским предместьями», «Бой под Смоленском», «Сын Отечества», № 12, стр. 195, 1823. Это же искажение допускает и Бутурлин. Указ. соч., стр. 215.

1) ф. 103, д. 10, ч. 1, л. 157.

2) ф. 103, д. 106, л. 76.

3) Там же.

4) Там же, д. 50 л. 189 и об.

5) ф. 29, оп. 153, св. 10, д. 16, л. 694 об.

6) Там же.

7) Там же, л. 695.

8) ЦГВИА, ф. 103, д. 1, л. 43об; ф. 20, д. 5, лл. 196, 205.

9) Там же, ф. 103, д. 106, л. 49об.; д. 1, л. 44об.

10) Там же, ф. 29, д. 5, л. 208об.

11) Там же, л. 205.

12) Там же, лл. 199об., 204об., 205.

13) ф. 103, д. 10, ч. 1, л. 167.

однако ж главнейшие силы на Малаховские ворота, которыми было завладел, но личный пример генералов Дохтурова, Коновницына ободрил до такой степени солдат наших, которые удара в штыки, опрокинули, смяли неприятеля и по телам его продолжали поражать бегущих. Между тем, бомбардированный Смоленск, зажженный во всех местах, представлял ужасную массу огня, так что заряды было опасно доставлять к батарее. Невзирая на это, город удержан был до самой полуночи... В час полуночи по повелению главнокомандующего (Барклай-де-Толли — В. В.) 6-й корпус и 3-я дивизия, равно и некоторые полки 2-го корпуса, посланные во время сражения на подкрепление, должны были перейти на правый берег Днепра и занять егерями форштадт, на одной стороне лежащий. Мост на Днепре был нашими истреблен»¹⁾.

Списки об отличившихся подтверждают беспредельную стойкость и массовый героизм русских войск в Смоленском сражении. Суворовский ученик генерал Дохтуров, «сменив в... Смоленске... генерал-лейтенанта Раевского в полночь на 5-е число августа, предводительствовал своим корпусом, 27-ой дивизией и прибывшими потом к нему на помощь 3-ей и 4-ой дивизиями с свойственным ему мужеством и благоразумием, отличающим искусного полководца. Тщетно французский император, управляя лично атакою нескольких корпусов французской армии, усиливался овладеть городом в продолжении целого дня посредством нападения на форштадт и нескольких штурмов к стенам города. Генерал Дохтуров везде предупреджал неприятеля намерения, штурмы были отбиты и войска по распоряжению сего генерала сами атаковали неприятеля при наступлении ночи за стенами города и прогнали его на некоторое расстояние от стен Смоленских»²⁾.

Как свидетельствуют списки, в сражении под Смоленском отличились и будущие декабристы: М. Орлов, Булатов, И. Фонвизин, Ентальцов, Гурко, Приклонский, Липранди, Нелединский, Горский и Граббе. В списке читаем о И. Фонвизине: «...расставлял колонны и цепи стрелков под выстрелами с неустрашимостью и делал обозрение неприятельских колонн при сильном огне тирольеров»³⁾. Артиллерист Ентальцов «прицельными выстрелами опрокинул две неприятельские колонны»⁴⁾. Орлов и Гурко «под сильным неприятельским огнем» посылались к «командующим войскам... отличали себя особенным мужеством и неустрашимостью»⁵⁾. Горский с «отличною поспешностью» отвозил приказания в «самое сильное дей-

ствие». В «цепи стрелков» он был контужен, но, подавая «пример храбрости», заменил раненого офицера»¹⁾.

Списки об отличившихся в Смоленском сражении генералах, офицерах и рядовых имеются по каждому полку и хранятся в фондах Общей канцелярии военного министра и Барклай-де-Толли.

До настоящего времени историкам не даны цифры действительных потерь сторон в сражении под Смоленском 4-го и 5-го августа 1812 г.

Исследователи Отечественной войны приводят различные цифры потерь, которые не соответствуют действительности.

Иностранные авторы преувеличивают потери русских войск в этом сражении и преуменьшают потери войск Наполеона.

Как видно из полковых ведомостей, потери русских войск в Смоленском сражении составили убитыми, ранеными и пропавшими без вести 11620 человек, тогда как Наполеон потерял только убитыми 16500 человек. Это лишний раз свидетельствует о высоком воинском мастерстве русских воинов. Ведомости потерь в сражении под Смоленском хранятся в фонде Барклай-де-Толли.

Материалы дают возможность установить время организации и отправления отряда Неверовского в Красный, его состав и численность. Они свидетельствуют, что в отряд, организованный и выступивший в Красный 25 июля, вошли Симбирский пехотный полк, 49 и 50 егерские полки 27 дивизии, 41 егерский полк из 12 дивизии, Полтавский пехотный полк из 26 дивизии и Харьковский драгунский полк из 4 кавалерийского корпуса.

Отряду были приданы 10 орудий 31 батареей роты и 2 орудия из донской конно-артиллерийской роты № 1 майора Тацина. Численность отряда равнялась 5.144 чел. (490 офицеров и 4.654 рядовых).

Материалы уточняют и состав Совета, собравшегося в Смоленске 25 июля 1812 г. Документы показывают, что на Совете присутствовали: Багратион, Барклай-де-Толли, начальник главного штаба Первой армии генерал Ермолов и начальник главного штаба Второй армии генерал Сен-При, генерал-квартирмейстер Первой армии полковник Толь и генерал-квартирмейстер Второй армии полковник Клот. Эти документы хранятся в фонде Военно-ученого архива. В архиве хранятся и материалы бывшего военно-топографического депо карт, которые содержат «план лагерей 1-й и 2-й западных армий после соединения их при гор. Смоленске июля 22-го 1812 года»²⁾ планы лагеря Первой армии при Смоленске³⁾.

¹⁾ ф. ВУА, д. 3485, л. 36 и об.

²⁾ ЦГВИА, ф. 29, оп. 153г., св. 10, д. 5, л. 195.

³⁾ Там же, ф. 103, д. 106, л. 105 и об.

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ Там же, ф. 29, д. 5, л. 198.

¹⁾ ф. 29, д. 5, л. 207 об.

²⁾ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3767.

³⁾ Там же, д. 3729.

расположений русских войск при Надве¹⁾ и Выдре²⁾, лагеря Второй армии при селе Катань³⁾, лагерей Платова и Васильчикова⁴⁾, расположения Первой армии при Гавриках⁵⁾.

Документы военно-исторического архива содержат сведения о расположении и движениях наполеоновской армии во время действий русских войск под Смоленском. Эти сведения находим в рапортах Платова Барклаю от 19, 20 и 21, 26 июля, генерал-майора Карпова Багратиону от 22, 28 июля и 3 августа, Бобруйского военного губернатора генерал-майора Игнатьева, Барклаю-де-Толли от 26 и генерал-майора Оленина Багратиону от 27 июля, генерал-майора Карпова Васильчикову от 2 августа, Неверовского от 28 и от 30 июля Васильчикову Багратиону.

Материалы освещают и разложение армии Наполеона. Среди них укажем секретное донесение министра полиции Балашева Барклаю-де-Толли от 1-го августа, в котором сообщалось о «появившихся в прилегающих к Псковской губернии белорусских уездах разных бродягах из французской армии... делающих грабежи». Отметим рапорт Иловайского 10-го в Главное дежурство 2-й армии от 26 июля о дезертирстве из наполеоновской армии, Неверовский в рапорте от 29 июля и 1 августа в Главное дежурство 2-й армии писал о взятых в плен разъездами его отряда дезертирах; полковник Сысоев 3-й в рапорте от 12 августа сообщал о переходе на русскую сторону рядового Игната Понятовского из 1 Завислянского пехотного полка; в рапорте из штаба 7-го корпуса от 17 сентября сообщалось о дезертировавших из наполеоновской армии поляках. В архиве также имеются рапорты Карпова 2-го Багратиону от 27 июля о движении неприятельской артиллерии от Гусино к Орше и копии рапортов Нея в Генеральный штаб о сражениях под Красным и Смоленском.

В фонде Военно-ученого архива хранится небольшая группа документов противника, захваченная русскими войсками в 1812 г. Эти материалы содержат сведения о действиях наполеоновской армии в июле—августе 1812 г.

Отмеченные документы хранятся помимо фонда Военно-ученого архива в фондах Барклая-де-Толли и Аракчеева.

Материалы военно-исторического архива о Первой Смоленской операции русских войск частично опубликованы. Наибольшее количество документов вошло в издание материалов Военно-ученого архива по Отечественной войне, предпринятое Генеральным штабом в связи с ее 100-летним юбилеем.

1) Там же, дд. 3780, 3781.
2) Там же, дд. 3754, 3772.
3) Там же, д. 3770.
4) Там же, дд. 3774, 3776.
5) Там же, д. 3777.

В этом издании были опубликованы приказы по войскам Первой и Второй армий, донесения Багратиона и Барклая-де-Толли, рапорты на их имя и некоторые другие документы.

Однако эта публикация имеет недостатки.

Прежде всего следует отметить, что в опубликованных документах имеются пропуски. Так, например, в рапорте Васильчикова Багратиону от 30 июля о расположении неприятеля опущена приписка — автограф Багратиона, показывающая его отношение к сообщаемым сведениям¹⁾. В отношении Багратиона Барклаю-де-Толли от 31 июля опущен постскриптум — автограф Багратиона, важный для уяснения причин расхождения между ними²⁾.

В публикации допускаются искажения текста.

В письме Багратиона Барклаю-де-Толли от 21 июля напечатано: «Следовательно не токмо между нами попрошу самую тесную дружбу и тогда нас никто не победит»³⁾.

В документе же читаем: «Следовательно не токмо мир между нами, но прощу самую тесную дружбу и тогда нас никто не победит»⁴⁾. В отношении Ермолова Сен-При напечатано: «Когда же они [войска 1-ой армии — В. В.] ...выступить могут... Буду иметь честь ваше сиятельство известить о сем отряд... Розена...»⁵⁾. В документе читаем: «Когда же они... выступить могут... буду иметь честь ваше сиятельство уведомить. Прошу... известить о сем отряд... Розена...»⁶⁾. В автографе Багратиона Барклаю-де-Толли от 26 июля напечатано: «Ежели неприятель остановится... то это мне кажется лучше... не атаковать в крепкой его позиции, ибо сам мастер защищается... Впрочем как мы и настигнем...»⁷⁾ в автографе написано... «Ежели неприятель остановится... тогда мне кажется лучше... не атаковать в прежней его позиции, ибо они мастера защищаться... Впрочем все зависит как мы их настигнем...»⁸⁾. В рапорте Толя Барклаю-де-Толли от 27 июля напечатано: «...неприятель от... Платова...»⁹⁾. В документе читаем: «...неприятель побудил генерал-майора Денисова требовать от... Платова...»¹⁰⁾.

Недостатком публикации является отсутствие необходимых топографических пояснений к документам. Так, например, в доку-

1) Отечественная война 1812 года, т. XIV, Спб, 1910, стр. 280.
2) Там же, стр. 287.
3) Там же, стр. 192.
4) ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3504, л. 29. Разрядка моя. — В. В.
5) Отечественная война 1812 г., т. XIV, Спб. 1910 г., стр. 192.
6) ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3504, л. 30. Разрядка моя. — В. В.
7) Отечественная война 1812 г., т. XIV, стр. 224—225.
8) ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3504, л. 35. Разрядка моя. — В. В.
9) Отечественная война 1812 г., т. XIV, стр. 142—143.
10) ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3509, л. 23.

ментах часто упоминается с. Катань, но известно, что на территории Смоленского уезда было два с. Катань: одно — на правом берегу Днепра, другое — на левом¹⁾. Наименование с. Рудни носило пять населенных пунктов только в Бабиновичском уезде; известны два населенных пункта в Смоленском уезде под названием Надвы²⁾, около деревень — Холм и т. п.³⁾. Отсутствуют заголовки к документам, указания о разновидности и т. д.⁴⁾.

В публикации материалов в «Трудах Военно-исторического общества» повторяются отмеченные погрешности⁵⁾.

Так, в письме Ермолова Александру от 16 июля опущена часть текста, проливающая свет на отношение Ермолова к отделению от армии корпуса Витгенштейна. Ермолов писал: «1-я армия... противустать должна неприятелю... несравненно сильнейшему. Успех сомнителен, корпус Витгенштейна бесполезно от нас отдален. Если неприятель силен против него, то он слаб сдержать его стремления. Если он останется без действия, то слишком силен его корпус, чтобы армия не чувствовала отдаления»⁶⁾.

В публикации допущены искажения текста. Так, в упомянутом письме Ермолова читаем: «Вслед за нами идет неприятель...»⁷⁾. В публикации: «Вслед за ними идет неприятель...»⁸⁾ и др.

В «Документах, относящихся к истории 1812 года», по Смоленской операции опубликовано лишь донесение Ермолова Александру от 27 июля. В публикации есть искажения. Так, Ермолов писал: «Армии наши слабее числом неприятеля, но... самим озлоблением соделываются не менее сильными...»⁹⁾. В сборнике напечатано: «Армии наши слабее числом неприятеля, но... самим ослаблением соделываемся не менее сильными»¹⁰⁾. Есть и другие искажения¹¹⁾.

В сборнике «Генерал Багратион» также имеются искажения. Так, постскриптум-автограф Багратиона к его письму адмиралу

¹⁾ Отечественная война 1812 г., т. XIV, стр. 219, 224 и др.

²⁾ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19040, л. 73.

³⁾ ф. ВУА, д. 19040, лл. 9, 18, 23об, 67об, 68, 77об, 142, 186, 192об; д. 18850, лл. 11, 27.

⁴⁾ Отечественная война 1812 г., т. XIV, стр. 147, 148, 174, 175, 183—184, 201—202, 219, 260, 261, 281; т. XVI, стр. 211.

⁵⁾ Опубликованы: письма Ермолова от 16 и 27 июля и донесение Багратиона от 7 августа Александру. Труды Военно-исторического общества, т. V. Спб., 1912, стр. 5, 6, 7, 14, 15.

⁶⁾ ф. ВУА, д. 3504, лл. 308, 309. См. «Труды Военно-исторического общества», т. V, Спб., 1912 г., стр. 5. Разрядка моя. — В. В.

⁷⁾ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3504, лл. 308, 309. Разрядка моя. — В. В.

⁸⁾ «Труды», т. V, стр. 5. Разрядка моя. — В. В.

⁹⁾ ф. ВУА, д. 3504, лл. 370, 371.

¹⁰⁾ Документы, относящиеся к истории 1812 года, под ред. В. Строева, вып. 14, ч. 2. Спб., 1913, стр. 15—17.

¹¹⁾ Там же.

Чичатову от 15 августа напечатан следующим образом: «Ретирады наши никуда не годятся. Не ведаю никак, что ему (Барклаю-де-Толли — примечание в сборнике. — В. В.) приятно. Я сделал свой долг, отброшенный от армии, преодолел все преграды, соединился. Я старше его, но государю не угодно, чтобы [я] один командовал, а ему велено все. Стало хоть не рад, да будь. Я готов. Я кричу вперед, а он назад, вот и дойдет скоро до Москвы. Хороши мы будем!»¹⁾.

В подлиннике читаем: «Ретирады наши никуда не годятся; не ведаю никак кто сему причину; я сделал мой долг, отброшенный от армии, преодолел все препоны, соединился. Я хотя и старше его, но государю не угодно, чтоб один командовал, а ему велено все, стало-хоть не рад, да будь. Я готов. Я кричу вперед, а он назад, вот и дойдем скоро до Москвы. Хороши мы будем!»²⁾.

С некоторыми пояснениями в сборнике трудно согласиться. Так, например, к рапорту Багратиона от 23 июля 1812 г. Александру дано следующее примечание: «В интересах единства командования Багратион предлагал Александру I предоставить власть главнокомандующего Барклаю-де-Толли»³⁾. Известно, что Багратион не говорил о Барклае-де-Толли, как о возможном кандидате на пост главнокомандующего русскими армиями. Однако нужно признать, что в целом сборник заслуживает высокой оценки, поскольку впервые материалы о Багратионе публикуются с такой полнотой и последовательностью.

Таким образом, документы Центрального государственного военно-исторического архива касаются всех сторон первой Смоленской операции русских войск в 1812 г. Они раскрывают роль Багратиона и Барклая в операции, участие армий в сражениях между Молево-Болото и Лешнею, Красном и Смоленском.

Документы показывают героизм русского воина — защитника Родины. Материалы архива убедительно свидетельствуют о том, что под Смоленском были продемонстрированы высокие боевые качества русских армий, зрелость и мастерство военачальников. Это доказывает превосходство русского военного искусства над военным искусством Наполеона. Документы военно-исторического архива являются основным источником для исследования Первой Смоленской операции русских войск в 1812 году.

¹⁾ «Генерал Багратион», сборник документов и материалов, Огиз, 1945, стр. 237.

²⁾ ЦГВИА, ф. 103, д. 13, лл. 402об., 403.

³⁾ «Генерал Багратион», стр. 219.